

Данилов А.А.

Уважаемые коллеги, я хотел бы отреагировать на те выступления, которые касались причин распада СССР, поскольку это главная, на мой взгляд, тема сегодняшнего разговора.

Думаю, Анатолий Сергеевич (Черняев) очень правильно поставил вопрос о распаде СССР как о крахе империи. Действительно, Советский Союз был империей, но это была своего рода реинкарнация Российской империи. И если мы хотим познать причины (тем более объективные причины) распада Советского Союза, то я бы посмотрел не столько на истоки существования самого Советского Союза (Александр Сергеевич Ципко верно подметил, что идеологическое государство, каким был СССР, не могло не рухнуть), но и на истоки более глубокие. Возникает в этой связи вопрос: а Российская империя, если бы она продолжала существовать, когда-то бы закончила свое существование или нет, даже не будучи идеологическим государством? На мой взгляд, закончила бы. И в первую очередь потому, что ни одному многонациональному государству – тем более крупной империи, которая вступала в полосу индустриальной модернизации, – не суждено было пережить этого процесса. По мере того, как формировалась индустриальная экономика, процессы индустриализации должны были охватить и общество. Оно должно было идти в ногу со временем, а именно – демократизироваться. Другого варианта индустриального развития, как показала мировая история, просто нет. Экономические и социальные процессы в эпоху индустриализации всегда обязательно и весьма тесно взаимосвязаны. Так же и в России в конце 19 – начале 20 вв. должен был происходить не только поиск оптимальной экономической модели, но и продвижение страны к правовому государству и гражданскому обществу.

Российская империя вступила на этот путь позже остальных развитых стран, обремененная массой противоречий: веками существовали противоречия между личностью и властью; между центром и окраинами; между русскими и «иностранцами»; между небольшим числом не слишком развитых городов и огромной крестьянской провинцией...

Не сумев (или не успев, как считают другие) решить эту задачу, империя передала эстафету ее реализации Советской власти, в рамках которой была создана мобилизационная модель государственного устройства, державшаяся на мощном идеологическом аппарате и карательной системе для тех, кто не разделял официальную идеологию. Такая модель не могла существовать долго – ни один народ не в состоянии слишком долгое время жить в условиях чрезвычайщины. Это понимала и сама власть. Сразу после победы в Великой Отечественной войне она не только была готова, но и начала менять свои внешние проявления, не меняя самой сущности.

Сегодня многие историки в нашей стране разделяют точку зрения о том, что экономические основы индустриального общества в СССР были построены на рубеже 50-х – 60-х годов. Это проявилось, в частности:

- в изменении структуры экономики страны (она была теперь уже не аграрной, как в начале века и не индустриально-аграрной, как перед войной, а индустриальной);
- появились новые отрасли производства, отражающие новый уровень индустриального развития (нефтехимия, электроэнергетика, электротехника, производство искусственных материалов и т.п.);
- в ведущих отраслях производства машинный труд заменил ручной;
- выросла энергообеспеченность промышленного и сельскохозяйственного производства;
- выросла производительность труда;
- значительно увеличились темпы экономического развития (при этом темпы экономического роста превысили темпы прироста населения);
- сформировались условия для повышения общеобразовательного уровня населения и культурно-технического уровня работающих.

Задача форсированной модернизации была решена совершенно недопустимым образом и, можно сказать, она была решена фатально для исторической судьбы СССР. Цена оказалась непомерной.

Выполнение этой задачи объективно требовало от власти принятия мер к обновлению и политической системы страны в направлении ее демократизации. Принятых мер в начале 60-х гг. оказалось недостаточно, тем более что и они были свернуты после смены власти в 1964 г. Таким образом, консервация политической системы стала одной из предпосылок будущего распада СССР.

Идеологические конструкции 30-х гг. также требовали обновления. Однако новых идей, адекватно объяснявших бы изменения, происходившие в мире, в стране, в самой правящей партии найдено не было. Это была еще одна предпосылка грядущего ослабления власти и государства.

Как и в других многонациональных странах, переживших эпоху индустриальной модернизации, именно на этой стадии, по мере экономического роста, происходило формирование наций, что объективно создавало предпосылки для последующего распада многонациональных стран. В Советском Союзе в послевоенное время, даже в тех республиках, которые вошли в его состав накануне Великой Отечественной войны, происходили очень важные процессы, проявившие себя в полной мере в 1991 г.: при помощи усилий РСФСР, других республик, образовавших СССР в 1922 г., были созданы экономические и социальные предпосылки их будущего самостоятельного развития.

К этому добавились и вполне закономерные явления, связанные с формированием не только интеллигенции союзных республик (везде и всюду выступающей двигателем идеи национального суверенитета), но и в послевоенные годы оформилась партийно-политическая и хозяйственно-производственная элита, имевшая не только собственные представления о развитии экономики и культуры своих республик, но и отчетливее других видевшая недостатки жестко централизованной системы управления многонациональной страной из единого Центра.

Таким образом, уже к началу 70-х гг. в СССР сформировались внутренние предпосылки для полноценного

самостоятельного развития не только союзных, но и наиболее развитых автономных республик.

Одним из важнейших внешних факторов, было то, что СССР не сумел вовремя заметить начавшийся в 70-е годы переход ведущих стран мира к информационному обществу. Этот переход требовал не только и не столько новых технологических решений, но и менял само место и роль человека в процессе производства, делая демократизацию общественных институтов и плюрализм – необходимыми условиями прогресса. В СССР же по старинке уповали на силу приказа, коллективистские формы труда, непререкаемую роль государственного и партийного руководства всем и вся.

Повторю – это были важнейшие объективные предпосылки, требовавшие либо перемен «сверху», либо способные изменить ситуацию в СССР «снизу».

По сути, запоздавшая «перестройка» в СССР и стала ответом системы на вызовы времени.

Вторая группа причин, вызвавших распад СССР, тоже носила вполне объективный характер и была связана именно с теми противоречиями, которые были порождены самой «перестройкой».

К их числу можно отнести:

- ослабление государственных институтов, в первую очередь силовых структур; начало демонтажа КПСС, являвшейся стержнем системы власти и обеспечивавшей политическое единство страны;
- кризис официальной коммунистической идеологии, оказавшейся в итоге на социал-демократических позициях;
- «усталость» общества от прежней власти и от официальной идеологии, поиск новых кумиров, новых идей, новых путей развития;
- переход инициативы реформирования общества от властных институтов – к альтернативным политическим и общественным силам;
- паралич плановой экономики; нарастание перебоев в снабжении населения продуктами первой необходимости;
- оформление и усиление позиций национально-патриотических сил в союзных республиках, главным тезисом которых стала идея национально-государственной независимости;
- наконец, «политика нового мышления», которая делала невозможным силовое решение возникающих проблем не только в межгосударственных, но и в межнациональных отношениях.

Наконец, третья группа причин, вызвавших распад СССР, носила субъективный, привнесённый характер. Она могла лишь в какой-то степени ускорить назревшие процессы, но не определить их.

К числу таких причин можно отнести:

- слабость и неспособность к управлению тех или иных лиц, как в центре, так и на местах;
- действия ГКЧП, который, несмотря на то, что руководствовался идеей сохранения Союза, нанес по нему самый сильный, решающий удар; хотя следует признать, что судьба Союза в существовавшем виде была предрешена задолго до августа 1991 г. Даже в том случае, если бы был подписан Союзный договор, прежнего Союза уже не было бы;
- нельзя не назвать и стремление национально-региональных элит воспользоваться ситуацией для упрочения своих позиций; очевидная слабость Центра не только в реформировании страны, но и в сохранении самой власти была слишком большим искушением, чтобы не попытаться ею воспользоваться; поэтому мы уверены в том, что свою долю исторической ответственности за события 1991 года несут не только те политики в Центре, от кого зависели судьбы единой страны, но и те лидеры союзных республик, от позиции которых в условиях кризиса центральной власти, во многом зависела судьба единого союзного государства;
- наконец, нельзя сбрасывать со счетов и внешний фактор – Запад хотя и аккуратно, но весьма недвусмысленно не только заявил о своей позиции, но и вполне проявил ее в своих конкретных действиях в решающий момент для судьбы СССР.

Таким образом, распад СССР стал возможен в результате как глубоких причин, носивших объективный характер, так и тех субъективных наслоений, которые были порождены «перестроечными» процессами в Центре и их отражением на республиканском уровне.

Подводя итог существованию СССР, можно уверенно сказать сегодня не только о том, что распад единого многонационального государства стал первопричиной глубокого и затяжного кризиса для всех составлявших его республик (включая, конечно, и Россию), но и одновременно о большом цивилизационном значении этого феномена.

Без созданных в рамках СССР социально-экономических и культурно-технических предпосылок, вопрос о национально-государственной самостоятельности многих из союзных республик не стоял бы ни в 1991 году, ни позже.

Вместе с тем, распад СССР и образование на его пространстве независимых государств обозначили новую страницу в их совместной истории.

Мне довелось летом этого года быть на конференции, посвященной 15-летию распада СССР в Молдавии. Это была очень любопытная поездка. Было очень интересно выслушать позицию первого президента республики Мирчи Снегура по поводу того, что они сами думают о предпосылках распада СССР, насколько эти процессы сопряжены с самой перестройкой. Мне очень интересно было услышать три таких мысли, которые высказал первый президент Молдавии.

Первое, что он сказал, - без перестройки Михаила Сергеевича Горбачева, без гласности и демократизации самой политической системы провозглашение независимости Молдавии и других стран было бы просто невозможно. Второй момент, который был обозначен – в провозглашении суверенитета и независимости власти ряда союзных республик видели способ преодоления конфликта между властью и обществом, проявившегося в конце 80-х годов. Наконец, третья идея, высказанная молдавским руководителем, касалась не прозвучавшего сегодня здесь вопроса о внешнем факторе распада СССР. Ни для кого не секрет, что

внешний фактор сыграл свою роль. И благодарность за поддержку независимости в том самом выступлении Мирча Снегура прозвучала в первую очередь румынскому руководству, а также правительству Соединенных Штатов Америки. Были названы и конкретные мероприятия, которые, действительно, помогли Молдавии и другим республикам СССР получить независимость в 1991 году.

И, наконец, то, что касается еще двух вопросов, которые звучали. Мы говорили уже об объективных и субъективных предпосылках распада СССР. Хочу лишь добавить, что на различных этапах перестройки то доминировали одни из них, то другие. А вот после августа 1991 года я уверен (и полностью согласен с Александром Сергеевичем Ципко), что никакого иного пути – даже создания конфедеративного государства – уже не существовало. Это то, что, к сожалению, приходится признать.

Был ли неизбежен именно такой сценарий распада великой страны? Думаю, нет. Для большинства населения нашей многонациональной страны это была трагедия. Значение и место которой в истории не только мира, но и судьбе каждого из нас нам еще предстоит осмыслить. Я в этом глубоко убежден. Спасибо.